

6. Мадо Исса. Религиозно-этнические общности маронитов и друзов в политической истории Сирии и Ливана (до 1861 года). – М.: РАН. Институт востоковедения, 1990.
7. Мельников Е.Н. Политический и государственный строй Ливана. – М., 1974.
8. Модестов С. А. Геополитика ислама. – М., 2003.
9. Нажем Сами Анис. Проблемы социально-экономического развития Ливана (70 80-е годы). – М.: РАН. Институт востоковедения, 1995.
10. Перепелкин Л.С. Типология этнических конфликтов. Ближний Восток: история и современность. – М.: Наука, 1997.
11. Проскурникова Т. Ю. Модель консоциативной демократии в условиях этноконфессиональной фрагментации: сравнительный анализ опыта Ливана и Ирака: дис. ... кандидата политических наук: 23.00.02.- Москва, 2009.
12. Шайрян Б.З. Этноконфессиональный конфликт. Ливан// Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока. – М.: Наука, 1991.

Фадеичева М.А.,
г. Екатеринбург

МОДЕЛИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕСУРСНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ МЯГКОЙ ВЛАСТИ

Доклад подготовлен при поддержке Гранта РФФИ (РГНФ)-Урал, 2013, № 13-13-66001 а(р) «Разработка теоретической модели государственных региональных ресурсов soft power в современной политической науке».

Проблема власти и форм ее осуществления, выбора способов управления может быть отнесена к числу философских, то есть вечных проблем. Изменения объекта властных отношений, возникновение новых особенностей управляемых систем приводит к поискам все более

930

совершенных, многообразных и наиболее адекватных форм осуществления власти. Главной проблемой при выборе способов властвования представляется проблема их эффективности. Проблема выбора форм осуществления власти и оценка их эффективности приобретает особое значение для современности. При истинном ее решении может проводиться такая государственная и региональная политика, которая позволяет обеспечивать реализацию всевозможных государственных и региональных проектов как экономического, так и гуманитарного направления.

Проблема форм осуществления власти значима для современности на всех ее уровнях. В применении к Российской Федерации она актуальна как для федеральной власти, для власти субъектов Федерации, так и для органов власти на уровне местного самоуправления. Субъект Российской Федерации или, в ином дискурсе, регион представляется неким средним звеном в цепи управления. Следует заметить, что существует множество подходов к пониманию и определению региона. Из них особенно можно выделить два подхода: «формально-правовой подход рассматривает регион как единицу административно-территориального деления, официально установленную в государстве... Политологический подход рассматривает регион как субъект и объект политического процесса» [4, с.167, 168]. При этом «регион можно определить, как выделяемую по разным основаниям пространственно-ограниченную часть территории государства, обладающую постоянными и переменными характеристиками, которые позволяют рассматривать ее как целостное образование, выступающее субъектом или объектом политических процессов различного уровня» [4, с.169]. На долю властей региона выпадают задачи особой сложности. В качестве одной из таких задач является управление живущим на территории региона полиэтническим населением, где этнический баланс постоянно меняется, – это изменяющаяся численность этнических групп автохтонного населения, новых иммигрантов с различным этническим и социальным статусом, в том числе иностранных и эмигрантов

из других этнических регионов Российской Федерации. Для этого могут быть избраны различные властные стратегии и соответствующие им формы осуществления власти.

В современной политической науке известны две разновидности форм осуществления власти, которые зависят от того, какие ресурсы используются властью в процессе воздействия на социум. В зависимости от этого выделяются формы осуществления власти с применением разного рода насилия и принуждения, – физического, психологического, идеологического, а также формы осуществления власти без применения разного рода насилия и принуждения. «В политологических исследованиях под жесткой властью чаще всего подразумеваются силы военного, экономического, административного, правового и иного принуждения. Субъективно власть, обозначаемая термином *hard power*, воспринимается как давление и диктат внешних сил... Сила “мягкой” власти (*soft power*), напротив, действует таким образом, что субъект свободно и добровольно ей подчиняется... “Мягкая” властная сила достигает своих стратегических целей, не прибегая к внешнему материализованному насилию. Ее инструментами выступают интеллектуальные паттерны, когнитивные соблазны, привлекательные идеи и символы, обольстительные визуальные и аудиальные образы» [2, с.174]. Таким образом, жесткая власть осуществляется в разнообразных формах, к которым можно отнести вооруженное насилие, экономическое давление, идеологическую агрессию, информационные войны. Мягкая власть проявляет свою сущность в формах создания соблазнительных потребительских товаров и услуг, привлекательных гуманитарных ценностей, оказания гуманитарной помощи, проведения эффективной социальной политики. Джозеф Най, исследователь из США, стал первооткрывателем темы «мягкой власти», однако он рассматривал значение мягкой власти в отношении внешней политики США [1]. Можно предположить, что разнообразные формы жесткой и мягкой власти

применимы не только вне, но и внутри государств, они могут быть инструментом не только внешней, но и внутренней политики, относиться к центральной власти и к власти регионов.

Жесткая власть оказывается ограниченной в обеспечении относительного социального единства, необходимого для решения задач государственного и регионального развития. Умная власть (smart power), в арсенал которой входят средства как жесткой (hard power), так и мягкой власти (soft power), способна предупреждать и успешно разрешать многообразные социальные, в первую очередь этнические, конфликты. При этом умная власть (smart power) опирается преимущественно на использование средств мягкой власти и, как правило, склонна к установлению диалога власти и общества. Диалог возможен, если находится некий базовый элемент в основании коммуникации. В качестве возможного базового элемента для диалога региональной власти и населения региона может выступать региональная идентичность.

Существует обширная научная литература, посвященная концепту и проблемам идентичности. Однако в этом многообразии исследования региональной идентичности находятся не на первом месте. Среди множества идентичностей, в результате исследований выявляются конгломератные идентичности, выстраиваются их иерархии. Также выявляются различные типы той или иной идентичности. Так, например, в процессе рассмотрения этнической идентичности осуществлена политическая типология этнических индивидов, исходя из особенностей социального поведения в обществах различных типов в связи с определенной политической культурой. На основе традиционного поведения, определяемого традициями и обычаями доиндустриальных обществ, складывается индивид с нейтральной этничностью, связанный с местом жительства, жилой местностью и политической культурой прихожанина. На основе целерационального поведения в индустриальных обществах формируется нормальная

этничность и подданническая политическая культура. С ценностно-рациональным поведением, определяемым представлениями о том, что ценно, в постиндустриальных обществах связана утрированная этничность как преувеличение значения этнической принадлежности, абсолютизация этнических черт, возведение этничности в ранг универсального принципа поведения и действия, а также политическая культура участия. В постмодерных обществах, отличающихся кроме прочего увеличением скорости изменения систем ценностей и норм, лавинообразным ростом числа субкультур, усилением кроссэтнической коммуникации, происходит взаимодействие этнических индивидов, принадлежащих к разным типам [3, с.160-164]. Эта методология может быть использована при анализе региональной идентичности.

Используя приведенную выше типологию этнической идентичности, можно выделить типы нейтральной, нормальной и утрированной региональной идентичности, сущность которых можно выявить схематично. Нейтральная региональная идентичность как «нулевое» эмоционально-ценностное отношение имеет место тогда, когда субъект, находясь на определенной территории, не осознает своей принадлежности к ней, не связывает с ней свое будущее, относится как к месту временного пребывания, даже если время пребывания длительное. Когда такой тип региональной идентичности становится преобладающим, тогда регион превращается в транзитную территорию расселения. Утрированная региональная идентичность как сверхпозитивное эмоционально-ценностное отношение может фиксироваться тогда, когда субъект наделяет абсолютной, высшей ценностью регион и все, что к нему относится, когда отдает предпочтение всему региональному от потребительских товаров и услуг до политических идеологий, при этом выбор регионального детерминирован самим региональным статусом, а все не региональное воспринимается как чужое и чуждое до враждебности. При существенной распространенности

такого типа идентичности, в особых социально-политических условиях подобного рода идентичность может производить сепаратистские и ирредентистские настроения. Нормальная региональная идентичность как позитивное эмоционально-ценностное отношение означает сознательное, рефлексивное отношение к месту жительства, с которым связывается благополучие, развитие, жизненные стратегии. Нормальная региональная идентичность может быть базовым элементом в стратегии управления регионом. Создание привлекательного образа региона посредством конструирования позитивной нормальной региональной идентичности относится к арсеналу средств мягкой власти.

Всякая идентичность как ценностно-эмоциональное отношение к принадлежности к группе имеет, как правило, объективные основания. Однако известно, что идентичности могут конструироваться. Это положение может быть отнесено к региональной идентичности. В конструировании региональной идентичности можно выявить ряд особенностей, неких стратегем, с помощью которых может быть сформировано положительное эмоционально-ценностное отношение к принадлежности к территории и региональному сообществу. Во-первых, региональная идентичность не является противоположностью этничности, она не противоречит и не противопоставляется этнической идентичности. Наоборот, положительный эффект может дать подчеркивание их непротиворечивого сочетания. Так, например, исторически обусловленными, привычными и работающими концептами этнорегиональной идентичности стали такие концепты как «уральские татары», «уральские немцы». Аналогичные концепты могут быть выстроены и отнесены к другим этносам и этническим группам, как автохтонного населения, так и новых переселенцев. Во-вторых, региональная идентичность множественна в отношении размеров и статуса поселений в регионе. Можно выделить идентичности жителей мегаполиса, жителей города «среднего звена», жителей малого города, идентичность жителей села.

Содержание понятий расширяется, абстрактные категории учета конкретизируются с привлечением региональной специфики, при этом региональная принадлежность находится на первом месте. Например: идентичность жителей мегаполиса – идентичность жителей уральского мегаполиса; идентичность жителей села – идентичность жителей уральского села. В-третьих, привлекательность региона и, как следствие, положительное эмоционально-ценностное отношение к нему при возможности конструирования положительной идентичности не может возникнуть «по приказу», за счет идеологического насилия и агрессии, оно формируется при наличии ряда благоприятных условий, делающих регион привлекательным для жителей.

В основе привлекательности региона можно выявить три составляющих. Первая составляющая – толерантная коммуникация. При этом следует преодолеть ставшее стереотипным, ошибочное представление о толерантности как о бесконечном терпении, попустительстве, смирении со стороны автохтонных жителей, например, «коренных уральцев» по отношению к любым особенностям культуры и поведения трансграничных или внутриграничных мигрантов, даже если это девиантное поведение. Толерантная коммуникация в основе своей должна иметь симметричный характер. Это значит, что определенные требования терпимого, понимающего, уважительного отношения и вытекающих из него форм поведения следует предъявлять не только к принимающему сообществу, но, прежде всего, к новым поселенцам, независимо от их этнической принадлежности и социального статуса. Требования понимания и принятия региональных особенностей как нового стандарта, уважительное отношение к принимающему сообществу, к традициям и актуальной культуре региона следует формулировать ясно, точно и однозначно. Вторая составляющая – комфортная среда, как природная, так и культурная, в которой развитие инфраструктуры непротиворечиво сочетается с благоприятной

экологической обстановкой. Третья составляющая – экономический фактор, когда стабильно развивающаяся экономика обеспечивает развитие рынка труда. Из трех составляющих привлекательности региона на первом месте находится именно толерантная коммуникация. Без комфортных человеческих отношений ни развивающаяся экономика, ни инфраструктура не будут факторами, обеспечивающими привлекательность региона, способствующими формированию позитивной региональной идентичности.

Конструирование нормальной региональной идентичности, использование ее как ресурса мягкой власти способно вносить существенный вклад в динамичное развитие региона, а также приумножить человеческий капитал, с одной стороны за счет привлечения новых эмигрантов, с другой стороны, сократить «утечку региональных мозгов» как за рубеж, так и в более привлекательные регионы внутри страны.

Литература

1. Най Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения // Свободная мысль – XXI в. 2010. №10. С.33-41.
2. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Вып. 10. Екатеринбург: УрО РАН, 2010. С. 173-192.
3. Фадеичева М.А. Человек в этнополитике. Концепция этнонационального бытия. Екатеринбург: УрО РАН, 2003. 248 с.
4. Федякин А. Регион в фокусе политической теории и практики // Вестник российской нации. 2009. № 5. С.163-182.